

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Родина

ВОЕНИЗДАТ НКВ СССР 1942

За эти месяцы тяжелой решающей борьбы мы все глубже познаем кровную связь с тобой, еще мучительнее любим тебя, родина.

Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю, от пожарища к пожарищу бороздит ее танками и все наше—вековечное—хочет назвать своим. Счастливый и несчастный собираются у своего гнезда. Даже и тот, кто хотел укрыться, как сверчок, в темную щель и посвистывать там до лучших времен, и тот понимает, что теперь нельзя спастись в одиночку.

Гнездо наше, родина возобладала надо всеми нашими чувствами. И все, что мы видим вокруг, что раньше, быть может, мы и не замечали, не оценили, как пахнувший ржаным хлебом дымок из занесенной снегом избы,—поразительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза всех, такими похожими на глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка,— все это наше, родное, и мы, живущие в это лихолетье, хранители и сторожа родины нашей.

Все наши мысли о ней, весь наш гнев, ярость—за ее поругание, и наша готовность— умереть за нее. Жертвенность, как тень, всегда сопутствует напряженной и большой любви. Как юноша говорит своей возлюбленной: дай мне умереть за тебя! Родина—это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это—вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущий свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле.

Когда-нибудь, наверно, национальные потоки сольются в одно безбурное море—в единое человечество. Но для нашего века это—за пределами мечты. Наш век—это суровая, железная борьба за свою независимость, за свою свободу и за право строить по своим законам свое общество и свое счастье. Бешеный фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой. Всякую национальную культуру он стремится разгромить, уничтожить и стереть. Его пан-германская идея: «весь мир—для немцев»—лишь ловкий прием большой финансовой игры, где страны, города и люди—лишь особый вид безликих биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну. Немецкие солдаты, которых берут в плен под Можайском,

Малоярославцем и под Ленинградом, так же обезличены, потрепаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи.

Эти пленные,— предполагаемые украинские землевладельцы, новоявленные орловские помещики, гордые арийцы, хозяева мира, международные жандармы, владыки всех океанских путей,—трясутся от холода и гриппа, в рваных без исподнего белья гимнастерках, скребут вшей и грязь и хотят только одного: конца войны,—это им Гитлер обещал при взятии Москвы. Фашистское командование валит и валит, как из мешка, эту отупевшую человеческую массу на красноармейские штыки и пушки. Они идут, ни во что уже больше не веря: ни в то, что когда-то жили у себя на родине, ни в то, что когда-нибудь вернутся. Германия—это только фабрика военных машин и место формирования пущечного мяса. Впереди—смерть, позади—террор и чудовищный обман. За пятый месяц восточной войны каждый немец, если он не слабоумный, понял, что завоевать весь мир будет еще труднее, чем продвинуться на десяток километров под Можайском. Их гонят, кривых, хромых, больных,—лишь бы они стреляли из автоматов, лишь бы они могли бежать за своими танками.

Эти люди намерены нас победить, бросить себе под ноги, наступить нам сапогом на шею,

изгнать нас навсегда из Москвы, из всей нашей земли «оттич и дедич», как говорили предки наши. Земля оттич и дедич—это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришел наш пращур жить навечно. Он был силен и бородат, в посконной длинной рубахе, соленой на лопатках. Смышлен и нетороплив, как вся дремучая природа вокруг него. На бугре над рекою он огородил тыном свое жилище и поглядывал по пути солнца вдаль веков.

И ему померещилось многое: тяжелые и трудные времена, красные щиты Игоря в половецких степях, и стоны русских на Калке, и уставленные под хоругвями Дмитрия мужицкие копыя на Куликовом поле, и кровью залитый лед Чудского озера, и Грозный царь, раздвинувший единые, отныне нерушимые пределы земли от Сибири до Варяжского моря; и снова—дымы и пепелища великого разорения... Но нет такого лиха, которое уселось бы прочно на плечи русского человека. Из разорения, смуты государство вышло и устроилось и окрепло сильнее прежнего. Народный бунт, прокатившийся вслед за тем по всему государству, утвердил народ в том, что сил у него хватит, чтобы стать хозяином земли своей. Народ сообразил свои выгоды и пошел за бронзовым всадником, поднявшим коня на берегу Невы, указывая путь в великое будущее...

Многое мог увидеть пращур из-под ладони по солнцу... «Ничего, мы сдюжим»,—сказал он и

начал жить. Росли и множились позади него могилы отцов и дедов, рос и множился его народ. Дивной вязью он плел невидимую сеть русского языка—яркого, как радуга вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинул волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родиной—землей отчич и дедич.

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, врачевание, сопровождавшееся заговорами, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины,—говорившиеся нараспев под звон струн,—о славных подвигах богатырей, защитников земли и народа, героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

Ни один из европейских народов не владеет таким художественным богатством. Там, на Западе, племена получили в наследство римскую цивилизацию, которую они до сих пор переваривают и не могут переварить. России достался в удел пустынный лес да дикая степь. Вплоть до XVIII века Россия жила по курным избам и все будущее богатство свое и счастье создавала и носила в мечтах, как скатерть-самобранку—за пазухой. Народ верил в свой талант, знал, что настанет его черед и другие народы потеснятся, давая ему почетное место в красном углу. Но путь к этому был долог, труден и извилист. Византийская культура древнего Киева погибла под копытами татарских коней, Владимиро-Суздальской Руси пришлось почти четыре столетия бороться и с Золотой ордой, и с Тверью, и с Рязанью, и с Новгородом, собирая и укрепляя землю. Во главе этой борьбы стала Москва.

Началась она с небольшого городища в том месте, где речонка Яуза впадает в Москву-реку. В этом месте, заворачивая на клязьминский волок, — зимний торговый путь по льду — по рекам—из Новгорода и с Балтийского моря— в Болгары на Волге и далее—в Персию.

Младший Мономахович — удельный князь Юрий—поставил при устье Яузы мытный двор, чтобы брать дань с купеческих обозов, поставил другой мытный двор в Мытищах на Клязьме и

поставил деревянный город—кремль—на бугре над Москвой-рекой. Место было бойкое, торговое, с удобными во все стороны зимними и летними путями. И в Москву стал тянуться народ из Переяславля Залесского, из Суздаля и Владимира и других мест. Москва обрастала слободами. По всей Руси прогремела слава ее, когда московский князь Дмитрий, собрав ополчение, пошатнул татарское иго на Куликовом поле. Москва становилась сосредоточием, сердцем всей русской земли, которую иноземцы уже стали называть Московией.

Иван Грозный, последний князь из гнезда Мономаха, завершил дело, начатое его отцом и дедом,—со страстной настойчивостью и жестокостью он разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил вотчинников-князей и самовластное боярство и основал единое русское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха.

Москва при Грозном обстраивается и украшается. Огромные богатства стекаются в нее из Европы, Персии, Средней Азии, Индии. Она оживляет торговлю и промыслы по всей стране и бьется за морские торговые пути. Кремль стоял над Москвой, как и сейчас стоит. Только на месте колокольни Ивана Великого (поставленной при Годунове) стояла круглая красная башня с колоколом—под ней ставили на правееж

должников и там же сидели площадные подьячие, строча грамоты и-кляузы.

Центр всей народной жизни был на Красной площади—здесь шел торг, сюда стекался народ во время смут и волнений, здесь вершились казни, отсюда цари и митрополиты говорили с народом, здесь произошла знаменитая шекспировской силы, гениальная по замыслу и эффекту сцена между Иваном Грозным и народом—опричный переворот. Здесь через четверть века на Лобном месте лежал убитый лже-Дмитрий в овечьей маске и с дудкой, сунутой ему в руки; отсюда нижегородское ополчение пошло штурмом на засевшую в Кремле шляхту. С этих стен на пылающую Москву хмуро глядел обреченный Наполеон. Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, Москва,—даже оставшись после Петра «порфиноносной вдовой»,—не утратила своего значения, она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободы; мысля даже в самые мрачные времена, узлом торговли и промышленности.

Настало время, когда европейским державам пришлось потесниться и дать место России в красном углу. Сделать их это заставил русский народ, разгромивший, не щадя жизни своих, непобедимую армию Наполеона. Русскому низко кланялись короли и принцы всей Европы, хвалили его доблесть, и парижские девицы ходили

подручку с усатыми гренадерами и чубатыми донскими казаками по Булонскому лесу.

Но не такой славы, не такого себе места хотел русский народ,—время сидеть ему в красном углу было еще впереди. Все же огромный национальный подъем всколыхнул все наше государство. Творческие силы рванулись на поверхность с мутного дна крепостнического болота, и наступил блистательный век русской литературы и искусства, открытый звездой Пушкина.

Недаром пращур плел волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сживали по вечерам перед восковой свечей над книгами, а иные—в лесных пустыньках, а иные, как неистовый поп Аввакум,—в яме, в Пустоозерске, и размышляли о правде человеческой и записывали уставом и полууставом мысли свои. Недаром буйная казачья вольница разметывала переизбыток своих сил в набегах и битвах—все, вся широкая творческая, страстная взыскующая душа народа русского нашла отражение в нашем искусстве XIX века. Оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки.

Русская наука дала миру великих химиков, физиков и математиков. Первая паровая машина была изобретена в России так же, как

вольтова дуга, беспроволочный телеграф и многое другое. Людям науки и в особенности изобретателям приходилось с невероятными трудами пробивать себе дорогу, и много гениальных людей так и погибло для науки, не пробившись. Свободная мысль и научная дерзость ломали свои крылья о невежество и косность царского политического строя. Россия медленно тащила колеса по трясине. А век был такой, что отставание—«смерти подобно». Назревал решительный и окончательный удар по всей преступной системе, кренившей Россию в пропасть и гибель. И удар произошел, отозвавшись раскатами по всему миру. Народ стал хозяином своей родины.

Пращур наш, глядя посолонь, наверно, различил вдали веков эти дела своего народа и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...».

И вот смертельный враг загоразживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устройство ее, обступили Москву и велят нам: свершайте!

На нас всей тяжестью легла ответственность перед историей нашей родины. Позади нас—великая русская культура, впереди—наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть навсегда фашистская Германия. Но эти богатства и возможности,—бескрайние

земли и леса, неистощимые земные недра, широкие реки, моря и океаны, гигантские заводы и фабрики, те тучные нивы, которые заколосятся, те бесчисленные стада, которые лягут под красным солнцем на склонах гор, то изобилие жизни, которого мы добьемся, вся наша воля к счастью, которое будет,—все это—неотъемлемое наше навек, все это наследство нашего народа сильного, свободолюбивого, правдолюбивого, умного и не обиженного талантом.

Так неужели можно даже помыслить, что мы не победим! Мы сильнее обовшивевших немцев! Чорт с ними! Их миллионы, нас миллионы вдвойне! У них на данное время преимущество в вооружении, особенно в танках. Но из ружья стреляет человек. Красная Армия истребляет этого стреляющего человека. Все опытнее, увереннее и хладнокровнее наша армия делает свое дело—истребление немцев. Они ведут отчаянную и—по их расчетам—последнюю ставку за Москву в истерической надежде хотя бы по сотням тысяч своих трупов пробиться к сердцу нашей родины. Расчет неверный и надежда безумная. Москва—это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва—это идея, охватывающая всю нашу культуру во всем ее национальном движении. Через Москву—наш путь в будущее. Под Москвой германская военная машина изнеможет. И тогда изменится весь ход войны.

Как Иван в сказке, схватился весь русский народ с чудом-юдом двенадцатиглавым на калиновом мосту. «Разъехались они на три прыска лошадиных и ударились так, что земля застонала, и сбил Иван чуду-юду все двенадцать голов и покидал их под мост».

Земля оттич и дедич немало поглотила полчищ, наезжавших на нее насильников. На Западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых—нищими. Наша родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет.

«Ничего, мы сдюжим...».

Редактор М. А. Аксенова

Г-145633

Объем 0,5 п. л. Подписано к печати 14. 4. 1942 г. Зак. 566.

Отпечатано в 1-й Государственной типо-литографии.
г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 11.

Цена 5 коп.